

СЕЛЬСКИЕ СОВЕТЫ БССР ПРОТИВ КРЕСТЬЯНСКОГО «МИРА»: 1920-е ГОДЫ

С. А. Елизаров

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Одной из наиболее устойчиво сохраняющихся форм выражения культурных традиций являются «локальные миры» как определенные территориальные, этнические, конфессиональные, профессиональные, возрастные и т. п. группы, жестко связанные внутри себя «своими» поведенческими нормами и стереотипами, основанными на собственных ценностях. Таким типичным «локальным миром» выступала традиционная восточнославянская крестьянская общность (сельское общество-громада), которая строилась на основе замкнутости и самодостаточности. В ее основе как раз и лежала система норм поведения и ценностей, сконструированная таким образом, что она охватывала все стороны жизни человека и тем самым обеспечивала ему непротиворечивость в поведении и образе мышления, сбалансированность его личности. Одной из причин долгой «живучести» «локальных миров» является выполняемая ими роль противовеса произволу государственной власти, защита интересов своих членов. Чем менее демократично общество, тем в большей степени сохраняется основа для существования всевозможных «локальных миров». Именно страх перед неизвестным, боязнь остаться один на один со своими проблемами и трудностями цементировали сельскую общность-громаду.

В сельском обществе сложилось своеобразное соотношение коллективного и индивидуального. И прежде всего коллективизм проявился в функционировании «мирского» самоуправления. Здесь сила коллективизма выражалась в максимальной степени, определяя обязанности своих членов, нормы и правила их поведения. Крестьянский «мир» являлся мощным орудием эффективного социального контроля за поведением индивида, контроля постоянного, строгого, от которого нельзя было скрыться. Сила «мира», нравственные, а при необходимости и экономические рычаги позволяли ему действительно регулировать образ жизни в соответствии с традицией, культивировать идею общинного коллективизма, взаимопомощи, сдерживать естественный индивидуализм мелкого производителя. «Мир» создавал праведный стандарт, ориентированный на сотруничество, коллективную ответственность.

Вместе с тем сама дореволюционная система сельского «мирского» самоуправления, повсеместно введенная после отмены крепостного права, в значительной степени ограничивала возможности крестьян самостоятельно решать свои текущие вопросы. Нижний уровень такой системы составляли сельский сход и сельский староста. По закону сельский сход созывался старостой либо по его инициативе, либо по распоряжению мирового посредника, либо по желанию помещика. Крестьянам же по своему желанию созывать сельские сходы не разрешалось. Кроме того, выборные должностные лица сельского общественного управления находились в сильной зависимости от помещиков и правительственных чиновников и зачастую рассматривались крестьянами как исполнители «государевой воли». Процессы развития капитализма в деревне, нарастающая имущественная дифференциация крестьянства, миграционные процессы

и повышение социальной мобильности населения уже в начале XX в. привели к тому, что сельский сход быстро утрачивал былое значение средства выражения общего интереса всего крестьянского «мира», все более попадая под влияние зажиточных слоев деревни. Вместе с тем в массовом сознании сельский сход по-прежнему продолжал ассоциироваться все же с общим интересом крестьянского «мира».

Пришедшие к власти большевики попытались сломать существовавшую систему крестьянского самоуправления, заменив ее новой – советской. Сельские Советы изначально рассматривались новой властью как органы принципиально новые – органы классовые, выражавшие интересы беднейшей части крестьянства, ориентированные не на поиск компромиссов между различными слоями крестьянства, а, наоборот, на резкое обострение противоречий между беднейшей и зажиточной частями деревни и стимулирование бескомпромиссной классовой борьбы. Сельсоветы должны были стать «органами пролетарской диктатуры» в деревне, органами социалистического переустройства сельского хозяйства.

Вся система выборов в сельсоветы была направлена на обеспечение «пролетарского» состава сельсоветов. Выдвижение кандидатов в депутаты сельских Советов проводилось собраниями бедноты и местными ячейками КП(б)Б (обычно это были единые кандидаты). После собрания бедноты проводились общие собрания выборщиков по участкам, где заслушивались отчеты президиумов Советов, содоклады ревизионных комиссий, выбирались депутаты Совета и члены ревизионных комиссий. Голосование осуществлялось либо по спискам, либо по отдельным кандидатурам по решению самого избирательного собрания. Допускалось лишь открытое голосование, что резко ограничивало возможности выявления степени реальной поддержки избирателями кандидатов от власти. Для проведения отчетной и перевыборной кампании в районы и сельсоветы направлялись специальные бригады из работников окружных учреждений. Такая система позволяла гарантированно обеспечивать большинство в сельсоветах за «сельскими пролетариями»: беднотой, батраками и сельхозработниками. Исключение составил лишь короткий период 1925–1926 гг., когда в связи с проводившейся кратковременной официальной кампанией «лицом к деревне» главной фигурой не только среди членов сельсоветов, но даже среди их председателей стал середняк.

Сельсоветы и в период гражданской войны и иностранной интервенции, и с началом мирного восстановительного периода в жизни деревни играли незначительную роль. Авторитетом среди крестьянства они не пользовались, местные хозяйственные вопросы и текущие проблемы сельского населения не решали, в связи с чем крестьяне напрямую обращались со своими проблемами в вышестоящие органы власти и управления. В деревне фактически сохранялась система былого крестьянского самоуправления с решающим значением сельского схода, что затрудняло проведение государственно-партийной линии среди крестьянства. В мае 1923 г. на гомельском губпартсовещании прозвучала озабоченность такой ситуацией: «Чрезвычайно слабы сельсоветы. Этот орган, фактически в деревне не существующий, ибо все вопросы решает сход, а не сельсовет, почти никогда не собирающийся. Функции нынешнего председателя сельсовета мало чем отличаются от того, что в старое время делал староста» [1, л. 163]. Партийно-советский аппарат власти пугал этот «крестьянский демократизм», формировавшийся столетиями в качестве защитного механизма в отношении крестьян с властью. В условиях советской действительности в нем видели проявление «мелкобуржуазной стихии», опасной для пролетарской власти в крестьянской стране.

Свертывание нэповских механизмов регулирования экономики (прежде всего в сфере отношений города и деревни), усиление централизации и тотального контроля

над всеми процессами общественного развития советского общества конца 1920-х гг. закономерно стимулировали стремление властей подставить под свой контроль по сути последнюю форму самоорганизации сельского населения – сельские сходы. Если состав сельских Советов к концу 1920-х гг. вновь (после кратковременного «среднеацкого ренессанса» 1925–1926 гг.) стал преимущественно бедняцко-батрацким, а их деятельность полностью контролировалась партийно-советским аппаратом, то сельские сходы еще оставались тем местом, где в решении вопросов местного значения могли участвовать все слои крестьянства – от бедняков до зажиточных. Эти сельские сходы реально составляли очень серьезную конкуренцию сельским Советам и рассматривались крестьянством (в противовес сельсоветам как органам власти государства) как прямое продолжение традиций общинного самоуправления.

2 марта 1929 г. Президиум ЦИК БССР утвердил «Положение о сельских сходах», которое ликвидировало автономию сельских сходов, превратив их в придаток сельсоветов. Лишенные избирательного права теряли возможность присутствовать на этих сходах и соответственно теряли последнюю возможность легального влияния на ситуацию в деревне. Инициатива созыва сельских сходов прежде всего должна была исходить от самого сельсовета, колхозов и совхозов, хотя официально сельский сход мог созываться и по «заявлению граждан данного схода, имеющих право принимать в нем участие». При этом в положении была введена норма обязательного созыва сельских сходов не реже одного раза в три месяца. Само проведение сходов было строго регламентировано: сход открывался только от имени сельсовета, избирался президиум схода, велся протокол. Принятые сходом решения не являлись обязательными для выполнения органами власти: эти вступали в силу только после утверждения их президиумом сельсовета. В случае, если президиум сельсовета отказывался утвердить решения схода, окончательно вопрос решался райисполкомами [2]. Фактически сельские сходы теряли свое значение, дублируя функции пленумов сельсоветов: на тех и других рассматривались местные вопросы, на тех и других решающую роль играл председатель сельсовета, для тех и других окончательной инстанцией являлся райисполком.

В результате на рубеже 1920–1930 гг. в БССР завершился процесс ликвидации традиционных крестьянских форм самоуправления, разложение которых началось еще на рубеже XIX–XX вв. Процессы урбанизации и индустриализации неизбежно делали крестьянские «локальные миры» все более открытыми внешним влияниям, которые в свою очередь активно разрушали их вековую замкнутость, привычный образ жизни, традиции и нравственные ценности. Политика большевиков только ускорила разрушение традиционного крестьянского «мира» и соответствующих управленческих структур. На смену сельским сходам как средству поиска компромиссов интересов различных крестьянских групп пришли принципиально новые органы – сельские Советы как органы «диктатуры пролетариата в деревне». Сельсоветы (в противовес прежним формам крестьянского самоуправления) не стали легальными органами, способными быть выразителем традиционного крестьянского консерватизма и сопротивления инициированных властью радикальным преобразованиям в деревне. Они превратились в аппарат, представляющий интересы беднейшей части крестьянства и легитимизировавший все мероприятия партийно-советского руководства на местах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1803.
2. СЗ БССР, 1929. – Отд. 1. – № 9. – Постановление 42.